
МЫСЛИТЕЛИ ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕГО

THINKERS OF THE PAST AND THE PRESENT

Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 1 (471). С. 59–66.

ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2023;(1(471):59-66. ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Научная статья

УДК 130.2

doi: 10.47475/1994-2796-2023-10108

СПЕЦИФИКА АНТИЧНОГО РЕГРЕССИЗМА В ЕГО ГРЕЧЕСКОЙ И РИМСКОЙ РЕДАКЦИЯХ

Станислав Игоревич Сулимов¹, Игорь Васильевич Черниговских²

¹Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия, sta-sulimov@ya.ru

²Воронежский государственный университет инженерных технологий, Воронеж, Россия, igrchernigovskix@rambler.ru

Аннотация. Данная работа посвящена рассмотрению регрессистской модели исторического процесса, сформулированной античными (греко-римскими) мыслителями. Опираясь на воззрения Гесиода, Геродота и Фукидида, авторы полагают, что для греческой философии истории была характерна скорее циклическая модель, нежели представление об истории как регрессивном развитии. Учение о неизменности содержания сакральных временных периодов мешало древнегреческим мыслителям замечать и отслеживать необратимые изменения в земном обществе. По мнению этих мыслителей, в земной жизни действует всеобъемлющий и неизменный принцип, детерминирующий общественную жизнь. Для Гесиода это трудовая и поэтому нелёгкая участь людей железного века, для Геродота — круговорот счастья и несчастья, а для Фукидида — такие порочные страсти, как властолюбие и алчность, которые постоянно влияют на ход политических событий. Римские же исследователи — Тит Ливий и Луций Анней Сенека — были хорошо знакомы с ходом истории отдельно взятого полиса (Рима). Поэтому, сравнивая нравы римлян в различные века существования города, они с поразительной точностью диагностировали усиливающийся нравственный упадок своего общества. К сожалению, ни Ливий, ни Сенека не обнаружили связь между нравственным и политическим состоянием общества и поэтому не смогли выявить этапы общественного развития. Тит Ливий полагал, что римляне эпохи Августа способны вернуться к личным и гражданским добродетелям времён ранней республики. Сенека же сравнивал своих современников со Сципионом Африканским, как бы не замечая, что Римская империя I в. н. э. представляет собой иной тип общества, нежели Римская республика рубежа III–II вв. до н. э.

Ключевые слова: философия истории, античность, общественное развитие, циклизм, регрессизм

Для цитирования: Сулимов С. И., Черниговских И. В. Специфика античного регрессизма в его греческой и римской редакциях // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 1 (471). С. 59–66. doi: 10.47475/1994-2796-2023-10108

Original article

THE SPECIFICITY OF ANTIQUE REGRESSISM IN ITS GREEK AND ROMAN EDITIONS

Stanislav I. Sulimov, Igor V. Chernigovskikh

¹Voronezh State University, Voronezh, Russia, sta-sulimov@ya.ru

²Voronezh State University of engineering technologies, Voronezh, Russia, igrchernigovskix@rambler.ru

Abstract. This work is devoted to the consideration of the regression model of the historical process, formulated by ancient (Greco-Roman) thinkers. Based on the views of Hesiod, Herodotus and Thucydides, the authors believe that the Greek philosophy of history was characterized by a cyclical model rather than the idea of history as a regressive development. The doctrine of the immutability of the content of sacred time periods prevented ancient Greek

thinkers from noticing and tracking irreversible changes in earthly society. According to these thinkers, a comprehensive and unchanging principle operates in earthly life, which determines social life. For Hesiod, this is the labor and therefore difficult fate of the people of the Iron Age, for Herodotus, the cycle of happiness and misfortune, and for Thucydides, such vicious passions as lust for power and greed, which constantly influence the course of political events. Roman researchers — Titus Livius and Lucius Annei Seneca — were well acquainted with the course of history of a single policy (Rome). Therefore, comparing the customs of the Romans in different centuries of the existence of the city, they diagnosed with amazing accuracy the increasing moral decline of their society. Unfortunately, neither Livy nor Seneca found a connection between the moral and political state of society and therefore could not identify the stages of social development. Titus Livy believed that the Augustan Romans were capable of returning to the personal and civic virtues of the early Republic. Seneca, on the other hand, compared his contemporaries with Scipio Africanus, as if not noticing that the Roman Empire of the 1st c. AD represents a different type of society than the Roman Republic at the turn of III–II. BC.

Keywords: philosophy of history, antiquity, social change, cyclism, regressism

For citation: Sulimov SI, Chernigovskikh IV. The specificity of antique regressism in its greek and roman editions. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(1(471):59-66. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-10108

Введение

Каждое общество имеет собственное, оригинальное представление об алгоритме исторического процесса. Такое представление играет в функционировании данной культуры существенную роль, потому что представители общества воспринимают как подлежащие решению проблемы только то, что выглядит отклонением от нормы развития с их точки зрения. И, наоборот, даже реальные исторические события, не учитываемые данной парадигмой понимания истории, не воспринимаются обществом как важные. Поэтому нередко симптомы социального недуга принимаются за его причины, а объективные исторические угрозы (как и достижения) кажутся представителям данной культуры пустяками, не стоящими внимания. В данной работе мы проанализируем античный регрессизм — созданную греко-римскими мыслителями модель исторического процесса, выделим специфические черты греческой и римской её трактовки и выявим те исторические факторы, которые не мог заметить придерживающийся регрессистской позиции античный историк.

Материал и метод

В данной работе для анализа древнегреческих представлений о характере исторического процесса мы обратимся к сочинениям Гесиода, Геродота и Фукидида, а философско-исторические воззрения римлян рассмотрим на примере воззрений Тита Ливия и Луция Аннея Сенеки.

Сакральное время древние греки делили на пять веков, соответствующие пяти металлам, и отмечали, что современные земные люди, жители профанного времени, живут в веке железном. Их предшественники — золотые, серебря-

ные, бронзовые и медные люди превосходили наших сакральных современников. В частности, бронзовые люди были эквивалентами героев Троянской войны — образцами для простых смертных. Но прежние эпохи миновали, их обитатели либо умерли, либо превратились в добрых духов, и теперь на земле длится век железный. Всё профанное время, о событиях какой бы давности ни шла речь, укладывается именно в эту сакральную эпоху. Её ритм и жизненные правила остаются неизменными, невзирая ни на какие исторические события. Данную модель темпоральности мы заимствовали из поэмы «Работы и дни» древнегреческого автора Гесиода, написанной как наставления для молодого деревенского хозяина и приурочивающей все советы к точному времени их исполнения, а также подробно описывающей любые временные периоды — от сезонов года до сакральных эпох. Как же Гесиод описывал железный век, в котором жил сам и в котором, по его мнению, живём мы? Поэт даёт весьма мрачную характеристику:

*О, зачем я принуждён жить среди пятого (поколения)
Людей! Зачем не умер ранее, не родился позже!
Ныне убо род существует железный; ни днём
Не прекращаются труды и печали, ни ночью.
(Поколение) испорченное; ему боги притом тяжёлые
посылают заботы.*

*Однако и для них примешивается благо ко злу.
Однако Зевс уничтожает и это поколение словом
одарённых людей,
После того как у рождённых седина показывается
на голове.*

*Не (живёт) в согласии отец с сыном и сын с отцом,
Приятель с гостем своим и товарищ с товарищем,
И брат даже не мил, как бывало прежде [3, с. 95].*

Но какое время Гесиод имеет в виду под словами «бывало прежде»? Увы, предшествующие золотой и серебряный века, в которые род людской не был людским в современном смысле этого слова. Может быть, золотые и серебряные люди жили как-то иначе, но железное человечество, к которому принадлежал Гесиод и, по его мысли, принадлежим мы с вами, знает лишь один тип взаимоотношений: «Безумец, кто захочет с сильнейшим состязаться: победы лишённый, он ещё стыда страдание претерпит» [3, с. 97]. В некоторых местах поэмы автор пишет о том, какой хорошей будет жизнь человека, семьи, деревни или города, если в основе любых отношений окажутся справедливость и мудрость, но раз за разом отмечает, что для железного человечества подобные отношения никогда не были и не будут характерны. Человеческая жизнь всегда будет подчиняться грубому насилию и, в самом лучшем случае, практической смекалке, но никак не возвышенным идеалам.

Каковы же человеческие задачи в таком суровом мире? В чём смысл человеческой жизни? Гесиод полагает, что смысл человеческой жизни — в самой жизни и единственная доступная человеку судьба — при помощи тяжёлого труда продлить свою жизнь (буквально «заботиться о продовольствии»). Это не следствие какой-то онтологической ошибки и не сакральная человеческая обязанность: просто земная жизнь в железную эпоху устроена именно так и по-другому прожита быть не может. Если человек пренебрегает трудом, то гибнет, и гибель его в данном случае не наказание за праздность, а лишь следствие не учтённого им бытийного принципа. Другой доли, кроме трудовой, для человека нет даже у богов:

*От работы человеку и многочисленным стадам,
и богатства;*

*Притом, работая, гораздо любезнее и бессмертным
И смертным становисься: весьма убо ненавистен
им ленивый.*

*Работа вовсе не постыдна, бездельничество то
постыдно* [3, с. 102].

Получается, что человек обречён всю жизнь тяжело трудиться для того, чтобы жить и максимально возможный для него успех — стяжать небольшое материальное богатство, которое выражается в поддерживающих жизнь материальных благах, то есть самостоятельной ценности не имеет. Получается бессмысленный и бесконечный процесс: вырастить хороший урожай, чтобы, продав его, купить дополнительный участок земли, на котором будет выращен ещё больший уро-

жай, если труженику будет сопутствовать удача. А если удача труженика покинет, то он окажется обречён на нищенское прозябание, которое однажды завершится смертью, одинаковой для всех людей.

Однако Гесиод далёк от мысли, будто человеческие нравы деградировали и что человек сам является виновником жизненных тягот. Порядки железного века никогда не были другими. И если кто-то на земле жил иначе, то это были герои-полубоги бронзового века или добрые гении века золотого. А всем без исключения железным людям предначертана тяжкая и в общем-то беспросветная трудовая судьба. Если какая-то деградация и имела место, то это деградация сакрального мирового порядка, проходящего в своём существовании пять эпох, а вовсе не процесс, происходящий с человеком и обществом в профанном, историческом времени. Именно поэтому неприятный, мрачный характер железной эпохи не поддаётся никакой корректировке со стороны людей.

Важно отметить, что Гесиод был именно греческим поэтом и не мог сравнить героическое прошлое Эллады с её гипотетическим упадочным настоящим, потому что никакого «героического» прошлого, кроме легендарного, у Древней Греции попросту не было. С момента появления городских демократий полисы жили в одном политическом и экономическом ритме, а когда окружающие их условия изменились и перестали быть благоприятными, города-государства лишились могущества, но предпочли сохранять не отвечающие историческим требованиям политические институты. Любые попытки фундаментальных политических и социально-экономических реформ непреклонно отвергались, и греки предпочитали терпеть военные поражения и оказываться в зависимости от македонцев и римлян, но не изменять миру стабильного миропорядка [1, с. 10–26]. Считая своё общество неизменным, греческие историки полагали, что любые события происходят по циклической схеме, и поэтому стремились обнаружить факторы, поддерживающие этот цикл. Например, Геродот из Галикарнаса предложил простой принцип, согласно которому отдельные люди добиваются успеха и терпят крах, а для общества всё остаётся по-прежнему: «...существует круговорот человеческих дел, который не допускает, чтобы одни и те же люди всегда были счастливы» [2, с. 91]. Фукидид подошёл к анализу исторического процесса более глубоко, но и он предположил, что в обществе всегда действуют одни и те же человеческие страсти,

которые, будучи высвобождены, приводят к политическим потрясениям: «Причина всех этих зол — жажда власти, коренящаяся в алчности и честолюбии. Отсюда проистекает и жгучая страсть к соперничеству, когда люди предаются спорам и раздорам. Действительно, у главарей обеих городских партий на устах красивые слова: «равноправие для всех» или «умеренная аристократия». Они утверждают, что борются за благо государства, в действительности же ведут лишь борьбу между собой за господство» [8, с. 199]. Но для Геродота и Фукидида, как и для Гесиода, общество не меняется, а происходят лишь отдельные события, калечащие или возвышающие судьбы индивидов. То есть истории как таковой нет, а есть лишь некие ограниченные явления, имеющие начало и конец. Таковы греко-персидские войны или Пелопонесская война, которые начинаются, длятся и заканчиваются в статичном, фундаментально неизменном мире. И если правила, по которым живёт земной, профанный мир, не хороши, то эта проблема имеет сакральную причину и человеческими силами не решается. Конечно, железный век является бесспорным регрессом по сравнению с золотым веком, но это может видеть только Зевс, наблюдавший все сакральные эпохи, а в пределах железного века между его началом и вероятным концом никакого регресса, по мысли древних греков, нет.

Понимание истории как регресса сформировалось в Древнем Риме в силу того, что римляне фиксировали историю одного-единственного города и невольно замечали меняющуюся в нём расстановку социальных сил. Однако, прежде чем им удалось очертить контуры собственной истории, было предпринято несколько неудачных попыток. Так, Квинт Энний Туберон и Луций Целий Антипатр пытались описать события римской истории, опираясь на записи актов гражданского состояния и судебные архивы, но вместо этого приводили лишь хронологию, не отделяя главные события от второстепенных. Между тем римское общество под влиянием различных исторических факторов необратимо и наглядно менялось. Ведь Рим стал подлинным гегемоном Средиземноморья, опираясь на легионы, то есть ополчение солдат-пахарей. В Риме долгое время сохранялись крестьянские нравы, а большинство римлян оставались земледельцами даже после громких побед, одержанных над соседями. Но, конечно же, с изменением политического и экономического состояния Рима обязательно должны были измениться и его внутрен-

ние, социальные отношения — от межсословных до межличностных, что и произошло на рубеже II–I вв. до н. э. Долгие войны и грандиозные завоевания привели к тому, что множество легионеров, вернувшись домой, обнаружили, что они никому не нужны: их земли оказались скуплены практичными, но вовсе не героическими предпринимателями, а устроиться на работу не представлялось возможным, потому что в результате военных побед в Италии появились десятки тысяч рабов. Поэтому вчерашние пахари, потеряв землю и возможность труда, превратились в пролетариат — многолюдные толпы, заполонившие Рим и ставшие орудием в руках политических демагогов и авантюристов. Те перевороты и гражданские войны, которые стали отличительной чертой римской истории I в. до н. э., осуществлялись именно пролетариями по указке честолюбивых полководцев, алчных предпринимателей и откровенных проходимцев. В трофейных богатствах недостатка не было, просто они каким-то непостижимым для большинства воинов-победителей образом оказались в руках небольшого числа аристократов и торговцев. Вот как описывает произошедшую с римским обществом метаморфозу немецкий историк О. Кифер: «Легко понять, что в ходе этой экономической перемены должны происходить гражданские беспорядки и характерная классовая борьба, так как новое богатство и роскошь подавляли старую мораль, открывая невообразимые возможности для тех, кто мог захватить и удержать власть. Гражданские войны Мария и Суллы, Помпея и Цезаря были неизбежны. Братья Гракхи сделали последнюю тщетную попытку поставить на ноги старый Рим мелких земледельцев, но эпоха Суллы уже представляла собой лишь борьбу за власть и богатства Рима» [5, с. 53].

В такой обстановке подверглись эрозии все гражданские и воинские добродетели прежнего Рима — от поиска ратной славы до патриархальной семьи. Но античные мыслители не понимали, что необратимые трансформации являются закономерной частью общественного развития, и полагали, что римляне чуть ли не по доброй воле забыли прежние нравы, некогда приведшие Рим к мировому господству. И, следовательно, если эти нравы удастся «вспомнить», то Рим снова станет прежним, таким, как в героические дни ранней республики. Именно этой цели Тит Ливий (59 г. до н. э. — 17 г. н. э.) подчинил свою работу «История Рима от основания города»: писатель стремился продемонстрировать гражданам

пронизанного бюрократизмом и коррупцией мегаполиса, как жили их славные предки и как желательнее жить им самим. В частности, сам Ливий полагал, что именно заимствованная у побеждённых эллинистических народов роскошь привела к порче римских нравов и, следовательно, к дезинтеграции римского общества. Поэтому историк пытался на протяжении всего своего сочинения подчеркнуть контраст между простодушным и поэтому героическим прошлым и деморализованным, лишённым каких-либо достоинств настоящим. Ливий не скрывал, что именно в этом и заключается главная задача его работы: «Мне бы хотелось, чтобы каждый читатель в меру своих сил задумался над тем, какова была жизнь, каковы нравы, каким людям и какому образу действий — дома ли, на войне ли — обязана держава своим зарождением и ростом; пусть он далее последует мыслью за тем, как в нравах появился сперва разлад, как потом они зашатались и, наконец, стали падать неудержимо, пока не дошло до нынешних времён, когда мы ни пороков наших, ни лекарства от них переносить не в силах» [6, с. 10]. То есть Ливий отчётливо замечает процесс общественной деградации, которая для него является симптомом деградации всего мира, так как римляне считали свой город столицей мира не в метафорическом, а в самом буквальном смысле. Ни один римский политик или писатель не мог представить себе мир без Рима или какие-нибудь происходящие в мире процессы, не подвластные римскому диктату. Поэтому Тит Ливий практически отождествлял нравственный регресс римлян с мировым кризисом, хотя и полагал, что эту проблему можно решить, если римляне «одумаются» и вернуться к стилю жизни своих славных предков. Тот факт, что история необратима, не был известен Ливию и его современникам.

Если Тит Ливий, живший в эпоху императора Августа, только догадывался о тяжёлом нравственном кризисе, охватившем римское общество, то Луций Анней Сенека (4 г. до н. э. — 65 г. н. э.), современник Калигулы и Нерона, отмечал, что кризис нравов превратил современных ему римлян в противоположность тех людей, которые основали город и превратили его в сверхдержаву. Ведь ни Калигула, ни Нерон даже не пытались соответствовать традиционным римским добродетелям. Уважаемый Сенекой император Клавдий не выставлял своё могущество напоказ, но именно при нём окончательно оформилась административная вертикаль государственной вла-

сти, в которой выборные должности не играли серьёзной роли, зато все важные вопросы решались назначаемыми чиновниками [4, с. 530–531]. Отвечал за свои управленческие решения такой канцелярский функционер только перед вышестоящим начальством, и только это начальство решало, кого на данную должность назначить. Например, бывали случаи, когда императоры и их ближайшие сановники назначали на ответственные административные должности своих вольноотпущенников, то есть бывших рабов, а кандидатуры легионеров-ветеранов и представителей древних патрицианских родов даже не рассматривали. Такой порядок вещей не был совместим с римскими традициями, но прежние устои уже никого не интересовали. И римский аристократ, и римский простолудин I в. н. э. представляли собой некий иной этнос по отношению к римлянам эпохи Второй Пунической войны. И Сенека, долгое время работавший в высших эшелонах власти и принимавший судьбоносные для страны решения, хорошо понимал, что в государстве крупного бизнеса и всепроникающей бюрократии нет места сильному, смелому и независимому в суждениях человеку, уважающему соседей и друзей больше, чем облечённых полномочиями незнакомцев. Конституируя общественный регресс, Сенека не настаивал на его обратимом характере и лишь подчёркивал разницу между нравственным состоянием римского аристократа эпохи Сципиона Африканского и его наследников времён ранней империи. В частности, мыслитель, посетив превращённое в памятник старины имение легендарного полководца, поделился с товарищем такими впечатлениями: «Я видел усадьбу, сложенную из прямоугольных глыб, стену, окружающую лес, башни, возведённые с обеих сторон усадьбы как защитные укрепления, водохранилище, выкопанное под всеми постройками и посадками, так что запаса хватило бы хоть на целое войско; видел и баньку, тесную и тёмную, по обыкновению древних: ведь нашим предкам казалось, что нет тепла без темноты. Большим удовольствием было для меня созерцать нравы Сципиона и наши нравы. В этой тесноте гроза Карфагена, вождь, которому Рим обязан тем, что был взят лишь однажды, омывал тело, усталое от сельских трудов, — ведь он закалял себя работой и сам (таков был обычай в старину) возделывал землю. Под этой убогой кровлей он стоял, на этот дешёвый пол ступал. Кто бы теперь вытерпел такое мытьё? Любой сочтёт себя убогим бедняком, если стены вокруг не блистают большими драгоценными кругами,

если александрийский мрамор не оттеняет нумидийские наборные плиты, если их не покрывает сплошь тщательно положенный и пёстрый, как роспись, воск, если кровля не из стекла, если фасийский камень, прежде — редкое украшение в каком-нибудь храме, не обрамляет бассейнов, в который мы погружаем похудевшее от обильного пота тело, если вода льётся не из серебряных кранов» [7, с. 155]. Сенека отчётливо видит контраст между Сципионом, лицом Римской республики, и своими современниками; более того, философ даже и не помышляет о том, чтобы римляне I в. н. э. могли подражать легендарному полководцу. Он лишь констатирует неудержимый нравственный (а значит, и общественный) регресс, которому совсем нечего противопоставить. Однако в дальнейшем римские авторы — Гай Светоний Транквилл и Луций Местрий Плутарх — не стали развивать тему необратимости общественного развития и, наоборот, проводили параллели между предками и потомками, как бы исподволь намекая, что главные качества античной нравственности доступны всем поколениям и надо лишь их «вспомнить» и снова «пустить в дело».

Результаты

Как мы заметили, для греческих и римских мыслителей-регрессистов характерно представление о неизменности мира, в котором живёт и развивается общество, в то время как римские авторы подчёркивают, что социум, в отличие от мира, меняется, и эти изменения совсем не радуют. Но остановить эти изменения римляне не считали возможным, потому что единственным их ориентиром было прошлое, то есть нечто, что уже не существует. В то же время ни Ливий, ни Сенека вовсе не считают, что всё потеряно: если мир вечен и неизменен, то, значит, единожды сделанные человечеством достижения могут быть сделаны и вновь, если люди приведут себя в то нравственное (а значит, и общественное) состояние, которое принесло им удачу в прошлом.

Обсуждение результатов

Сравнивая римские и греческие представления об общественном регрессе, легко заметить, что взгляды древних греков практически не разработаны. Ведь, по мнению Гесиода, порядок жизни на данном этапе сакрального времени заранее задан, и поэтому в профанном времени никаких фундаментальных изменений произойти не может. Так, для людей железного века характер-

на напряжённая трудовая жизнь, в которой удача представляет собой лишь краткий миг, зато неудача постоянно угрожает каждому труженику. Такая безрадостная перспектива — не следствие нерадивости или злонравия людей, а базовая характеристика железной эпохи, которая может измениться лишь на ином этапе сакральной, а не профанной истории. Железный же мир не может ни усовершенствоваться, ни деградировать. Опираясь на эту концепцию, такие греческие историки, как Геродот и Фукидид, невзирая на свой широкий кругозор, вынуждены рассматривать мир в рамках циклической парадигмы: одни и те же принципы раз за разом приводят к одним и тем же последствиям, влияя на человеческие судьбы, но не внося в общественное развитие ничего принципиально нового. Например, на взгляд Фукидида, общество в любую эпоху подвержено одним и тем же порокам, которые обостряются или затухают под влиянием внешних факторов. Возможно, именно поэтому греческие политики попросту не заметили того момента, когда их демократические полисы превратились в олигархические республики и вследствие необратимой трансформации социальной структуры начали быстро отставать от своих соседей.

Что же позволило римлянам всё-таки диагностировать регрессивные трансформации общества, хотя бы только в нравственной сфере? Думается, что причина в том, что римлян не интересовало сакральное время: Рим имел фиксированную дату основания именно в профанном времени, и поэтому исторические события воспринимались римлянами не как повторяющееся действие одних и тех же сакральных принципов. Именно анализируя случившиеся в земной истории события, Тит Ливий смог разглядеть нравственный упадок римского общества, а Сенека предположил, что эта деградация необратима. Для исторической науки является немалым упущением то, что более поздние римские авторы не пожелали развивать и углублять эту точку зрения.

Выводы

Размышляя о римском регрессизме, невольно приходится признать, что римские мыслители находились буквально в одном шаге от того, чтобы открыть стадии общественного развития. Это позволило бы им прогнозировать будущее Рима и, как следствие, строить далеко идущие планы. Возможно, что даже представление о прошлом, как о «золотом веке», потеряло бы своё очарова-

ние. Но в реальности римлян подвело убеждение в неизменности человеческой природы. То есть, на взгляд того же Тита Ливия, деградируют нравы, а общественные отношения и люди остаются прежними и при желании могут вернуться к следованию традиционным нравственным образцам. Замечая моральную и умственную деградацию индивида, ни Ливий, ни Сенека не смогли соотнести её с социальным и политическим регрессом общества. Например, Ливия не посещала мысль, что его современники даже при самом горячем желании не смогут следовать нормам этики времён Сципиона Африканского. Поэтому принцип необратимости истории ускользнул от внимания римских авторов.

Заключение

Итак, в данной работе мы рассмотрели представления античных авторов об истории как о регрессе. Как мы заметили, циклическая модель исторического процесса была характерна для греческих историков, а римские мыслители смогли её преодолеть. Однако римское понимание общественного регресса не распространилось за рамки регресса нравственного, и эта

узость не позволила ни Сенеке, ни Титу Ливию выделить стадии общественного развития, а значит, созданная ими модель оказалась для социальной философии бесполезной. Имеет ли данная ошибка какое-нибудь значение для наших современников? К сожалению, имеет. Ведь в наши дни нередко излишне оптимистичные прогнозы на ближайшее будущее России и самоуверенные обещания повторить политические успехи прошлых веков («Можем повторить!»). Современные отечественные сторонники исторического реванша точно так же не замечают необратимых общественных трансформаций, как не замечали их Тит Ливий и Луций Анней Сенека. Именно поэтому все попытки римских императоров возродить «древние добродетели» потерпели фиаско, точно так же наивно выглядят современные призывы «одуматься» и «быть достойными предков». Но ведь в Римской империи нашлись и реформаторы-реалисты, исходившие из наличных исторических условий и поэтому создавшие Византийскую империю и тем самым давшие античности новую жизнь. Не исключено, что широкое понимание общественного регресса приведёт к похожим эффективным мерам и в наши дни.

Список источников

1. Бобровникова Т. А. Встреча двух миров: Эллада и Рим глазами великого современника. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012. 448 с.
2. Геродот. История : в 9 кн. М.: АСТ, 2001. 752 с.
3. Гесиод. Работы и дни. Теогония. Щит Геракла. 2-е изд. М.: Либроком, 2012. 288 с.
4. Дмитренко В. В. Властители Рима. Время правления Октавиана Августа и династии Юлиев-Клавдиев. М.: АСТ, 2004. 781 с.
5. Кифер О. Сексуальная жизнь в Древнем Риме. М.: Центрполиграф, 2003. 431 с.
6. Ливий Т. История Рима от основания Города: в 3 т. М.: Ладомир, 2002. Т. 1, кн. I–X. 702 с.
7. Сенека, Марк Аврелий. Наедине с собой. Симферополь: Реноме, 2002. 384 с.
8. Фукидид. История. М.: Ладомир, 1999. 729 с.

References

1. Bobrovnikova TA. The meeting of two worlds: Hellas and Rome through the eyes of a great contemporary. Moscow: AST-PRESS KNIGA; 2012. 448 p. (In Russ.)
2. Herodotus. The History. In 9 books. Moscow: AST; 2001. 752 p. (In Russ.)
3. Hesiod. Works and days. Theogony. Shield of Hercules. Moscow: LIBROCOM; 2012. 288 p. (In Russ.)
4. Dmitrenko VV. Rulers of Rome. The reign of Octavian Augustus and the Julio-Claudian dynasty. Moscow: AST, 2004. 781 p. (In Russ.)
5. Kifer O. Seksual'naya zhin' v Drevnem Rime [Sexual life in Ancient Rome]. Moscow: Tsentrpoligraph, 2003. 431 p. (In Russ.)
6. Livy T. History of Rome from the founding of the City. In 3 vol. Vol. 1, books I–X. Moscow: Ladomir, 2002. 702 p. (In Russ.)
7. Seneca. Mark Aurelius. Alone with myself. Simpheropol: Renome; 2002. 384 p. (In Russ.)
8. Thucydides. The History. Moscow: Ladomir; 1999. 729 p. (In Russ.)

Информация об авторах

С. И. Сулимов — доктор философских наук, доцент, доцент кафедры истории философии и культуры.

И. В. Черниговских — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и истории

Information about authors

S. I. Sulimov — Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of Department of History of Philosophy and Culture.

I. V. Chernigovskikh — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of Department of Philosophy and History.

Статья поступила в редакцию 09.01.2023; одобрена после рецензирования 27.01.2023; принята к публикации 10.02.2023.

The article was submitted 09.01.2023; approved after reviewing 27.01.2023; accepted for publication 10.02.2023.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.